

ЛЕКЦИЯ 2

Жизнь пророка Мухаммеда от 8 до 25 лет

После смерти дедушки, в возрасте восьми лет, пророка Мухаммеда (САС) стал опекать его дядя Абу Талиб. Абу Талиб, новый глава многочисленных «сынов Хашима», хотя и унаследовал почетную и не лишнюю выгоды должность распределителя налога в пользу неимущих паломников. Он вел энергичную деловую жизнь, типичную для довольно крупного торговца того времени, которому много времени приходится проводить в деловых поездках и нередко самому возглавлять караваны.

Свои обязанности опекуна восьмилетнего Мухаммеда (САС) Абу Талиб выполнял вполне добросовестно. Обучение Мухаммеда (САС), как и большинства его сверстников, сводилось к играм и посильному участию в занятиях взрослых.

Участие в занятиях взрослых позволяло Мухаммеду постепенно научиться всем тонкостям торговли: умению обращаться с товарами, взвешивать их и измерять, упаковывать и хранить, различать их качество и ценность по признакам, которые кажутся незаметными или несущественными человеку несведущему. Торговые занятия требовали также искусного обращения с животными, в основном верблюдами, от заботливого и умелого ухода за которыми часто зависел не только успех торговых экспедиций, но и сама жизнь купца.

Прибытие и отправление караванов, кочевники, стекавшиеся в священные месяцы огромными толпами, шумные ярмарки, на которых публично состязались поэты, — все это делало жизнь в Мекке яркой и оживленной. Дети и подростки не были изолированы от взрослых. Соблюдая требуемые обычаем скромность и уважение к старшим, Мухаммед (САС) мог присутствовать и при обсуждении важнейших общественных дел, и при спорах на религиозные и моральные темы, и при рассказах о торговых путешествиях, о приключениях в далеких странах, о преданиях старины и обычаях разных племен и народов.

Мухаммед (САС) очень быстро он завоевал симпатию Абу Талиба, который, как некогда Абд аль-Мутталиб, полюбил его, стал относиться к своему племяннику с большим вниманием и теплотой, чем это требовалось от него просто как от опекуна и главы всех хашимитов. Уже в детские годы Мухаммед (САС) был наделен способностью привлекать к себе симпатии людей, с которыми его близко сталкивала судьба, вызывать в окружающих довольно благожелательное и уважительное к себе отношение. Сперва это была его кормилица Халима, затем дед Абд аль-Мутталиб и, наконец, его дядя Абу Талиб.

В возрасте двенадцати лет Мухаммед (САС), если верить преданиям, совершил свое первое длительное путешествие. Абу Талиб снарядил очередной караван для отправки в Сирию. Мухаммед (САС) страстно мечтал о подобной поездке, но не решался просить об этом. В самый последний момент, однако, когда Абу Талиб собирался уже сесть в седло, мальчик не выдержал и стал так горячо упрашивать своего опекуна взять его с собой, что Абу Талиб наконец сжалился и, несмотря на то что Мухаммед (САС) был еще мал для длительной и опасной поездки, разрешил ему сопровождать караван.

Путь каравана шел на северо-запад, мимо Ясриба и Табука в Южную Сирию. Мухаммеду (САС) и его спутникам предстояло перевалить через горные цепи Хиджаза, пересечь степи и каменистые полупустыни плоскогорья Недж и, дойдя до границ Палестины, свернуть на север, к Дамаску. Здесь они на несколько дней попадали в пределы песчаной Сирийской пустыни.

Караваны верблюдов движутся медленно, примерно со скоростью пешехода, покрывая за час четыре-пять километров. Днем, в период невыносимого полуденного зноя, приходилось делать на несколько часов привал. Много времени отнимало поение животных: вокруг сравнительно редких колодцев и источников обычно нельзя было найти ни клочка травы, и на ночь останавливались вдали от колодцев, там, где верблюды могут не только отдохнуть, но и попасть.

Много интересного и полезного можно услышать во время долгих привалов, при свете костра, который приятно согревает — ночи в пустынях холодные.

Абу Талиб обычно останавливался для послеполуденного отдыха у стен монастыря, в одной из келий которого жил монах Багира. Багира, неоднократно видевший Абу Талиба, никогда с ним прежде не заговаривал. Поэтому Абу Талиб был очень удивлен, когда на этот раз, как только караван сделал привал, Багира вежливо пригласил всех в свою келью — отдохнуть и разделить с ним трапезу.

«Я приготовил еду для вас, о люди племени Курайш, и хочу, чтобы вы пришли ко мне все, знатные и незнатные, свободные и зависимые», — сказал Багира.

Абу Талиб и его спутники, оставив Мухаммеда (САС) под деревом присматривать за поклажей, отправились в гости к монаху. Но Багиру, собственно, интересовал только Мухаммед (САС) — из таинственных и мудрых книг, которыми обладали христиане, он знал о скором появлении нового великого посланника Бога и, что самое важное, знал точные его приметы. Еще когда караван приближался к монастырю, Багира из окна своей кельи увидел, что над ним движется небольшое облако, которое бросает тень на одного Мухаммеда (САС). Когда караван остановился под деревом, произошло чудо — облако

тоже остановилось над Мухаммедом, а ветви дерева сплелись над ним, чтобы тень была гуще. По этим знамениям Багира понял, что перед ним будущий посланник Бога.

Ни на ком из пришедших к нему курайшитов он не увидел знаков божественной избранности и добился, чтобы позвали Мухаммеда.

Когда трапеза закончилась, он осторожно стал расспрашивать Мухаммеда о его жизни, в том числе о содержании его снов, и еще больше укрепился во мнении, что перед ним будущий пророк.

Далее Багира самым подробнейшим образом осмотрел Мухаммеда (САС) и обнаружил, что описание, данное в таинственных книгах, полностью совпадает с внешним видом стоящего перед ним подростка. Особенно убедительно выглядела «печать пророчества», поставленная на Мухаммеде (САС) с самого рождения, — это было крупное, величиной с грецкий орех, родимое пятно на спине, между лопатками. Когда же Багира узнал, что Мухаммед (САС) сирота, что тоже было предсказано, у него не осталось ни малейших сомнений в его божественной избранности. Он наказал Абу Талибу скорее увезти племянника, которому предопределено великое будущее, обратно в Мекку и тщательно оберегать его.

Абу Талиб послушался Багиру и быстро отвез Мухаммеда (САС) в Мекку, естественно закончив сперва все свои торговые дела в Сирии.

Продолжительное и увлекательное путешествие, безусловно, должно было обогатить любого двенадцатилетнего подростка огромным количеством ярких и навсегда запоминающихся впечатлений. В данном же случае путешествие совершил отнюдь не «любой» подросток, а Мухаммед (САС), вся последующая жизнь которого показала, что он с детства был исключительно и своеобразно одаренным человеком, способным тщательно и причудливо перерабатывать и использовать в своем творчестве все знания и впечатления, которые ему, человеку неграмотному, удавалось получить каким-либо путем. Обыденная и ничем не примечательная поездка приобрела важное значение только потому, что в ней участвовал не кто-нибудь, а Мухаммед (САС).

Мухаммеду было лет пятнадцать, когда закончилась война Фиджар, которую арабские историки называли нечестивой войной, так как она качалась в священные месяцы. Зачинщиком выступило племя кинана, верный союзник курайшитов. Кинаниты напали на караван, который из Йемена, находившегося под контролем Персии, направлялся в обход Мекки к берегам Евфрата; охраняли караван люди из племени Кайс Айлан. Как только кинаниты разгромили караван по дороге в Таиф, курайши-ты тотчас же выступили к ним на помощь. Решающая битва с кайситами и их союзниками произошла близ Таифа.

Мухаммед был оруженосцем своих дядек, собирал и подавал им стрелы. Но это было, безусловно, важное событие в его жизни — он видел настоящую крупную битву, участвовал в ней, наблюдал, как разные люди ведут себя в минуту опасности и перед лицом смерти, усваивал на практике этику и мораль войны, когда убийство «чужих» становится героическим и похвальным поступком, а захват их имущества — благородным подвигом.

Арабы не умели и не любили сражаться в строю, для этого им не хватало прежде всего дисциплины. Поэтому сражение превращалось, по существу, в совокупность отдельных единоборств; к концу битвы обычно хорошо было известно, кто кого убил, кто кого ранил, кто проявил смелость и сообразительность, а кто нерешительность и трусость. Такая манера вести бой позволяла безошибочно судить о личной воинской доблести каждого араба.

Участие в войне, как и участие в отдельном сражении, было делом добровольным, но не пожелавший идти на войну араб рисковал покрыть свое имя несмываемым позором, если у него не было на то уважительных (в глазах соплеменников) причин. Только достаточно богатые сражались верхом — у большинства не было средств содержать лошадей; всадники получали в два-три раза большую долю добычи, чем пешие воины. Предводителю полагалась четверть всего захваченного. Отличившиеся воины также имели право на большую часть добычи, чем те, кто сражался плохо. Вообще, дележ редко обходился без споров, и часто еще в разгаре сражения отдельные воины прекращали бой и устремлялись за трофеями, если им казалось, что победа уже обеспечена; иногда это кончалось сокрушительным разгромом увлекшихся мародерством победителей.

Бой, в котором участвовал Мухаммед, близко затрагивал интересы всех мекканцев, которые дружно отправились на войну вместе со своими союзниками и сражались упорно. Кайситы были достойными воинами, и к середине дня казалось, что победа склоняется на их сторону. Однако к вечеру мекканцы все-таки одолели своих врагов и нанесли им решительное поражение. Трофеи поделили, пленных отпустили за выкуп, а с побежденными вскоре подписали соглашение, по которому йеменцам путь через земли племени Кайс Айлан был закрыт, а кайситы становились союзниками Мекки, монополизировавшей в результате войны Фиджар торговлю с Ираком.

Примерно к двадцати годам Мухаммед (САС) начал совершенно самостоятельную жизнь, без формальной опеки со стороны Абу Талиба. К этому времени обстоятельства, не зависящие от самого Мухаммеда (САС), полностью определили его род занятий — он был человеком, сведущим в торговле, умел водить караваны, но не имел достаточно средств, чтобы вести самостоятельные торговые операции. Поэтому он вынужден был наниматься

к более зажиточным торговцам в качестве приказчика, проводника караванов или торгового агента. По словам арабских историков, Мухаммед (САС) отличался прекрасным характером, честностью и добросовестностью, был добрым соседом и вообще всяческим образцом совершенства. Впрочем, его профессия действительно требовала от человека и ума, и сообразительности, и честности, и верности своему слову, и безукоризненной заботы о вверяемых под его ответственность товарах, а раз дела Мухаммеда (САС) шли хорошо, значит, люди ему доверяли, и у нас нет основания не верить тому, что он был в глазах мекканцев человеком безукоризненной репутации, вполне справедливо заслужившим прозвище Правдивый, которым наградили его курайшиты.

Мухаммеду (САС) шел двадцать пятый год. Несколько лет самостоятельной жизни внешне ничего не изменили в его судьбе — он все так же пас стада, нанимался погонщиком верблюдов, выполнял торговые поручения. Репутация человека честного и дельного за ним упрочилась, и к его услугам охотно прибегали не только его дядья и другие хашимиты, но и зажиточные торговцы из других кланов.

Во внутреннем его мире протекали в эти годы скрытые от посторонних взглядов сложные перемены; они привели к усилению и углублению того интереса к религиозным проблемам, который обнаруживался у Мухаммеда (САС) и раньше.

Повышенный интерес к религиозным вопросам был вообще характерен для жизни «священного города», куда со всех концов Аравии стекались паломники. На рубеже V и VI веков этот интерес принял четкие формы богоискательства, и предания сохранили для нас имена многих мекканцев, посвятивших себя критике существующих культов и созданию новых религиозных концепций. Такой сдвиг умонастроений не был случайным — город переживал тяжелый общественный кризис.

Племенные законы продолжали действовать неукоснительно, но соблюдались они все более формально, дух племенной солидарности улетучивался, законы утратили абсолютный авторитет и уже не почитались священными. В жизни все больше руководствовались принципом: «Кто богат, тот и силен, кто силен, — тот и прав». Те, кто были богаты, считали, что все идет как надо, все правильно и все справедливо. Они ссылались на традиционный фатализм арабов-кочевников — ведь и в кочевом племени одни были бедны, а другие богаты, одному повезло, а другому нет. Ничего не поделаешь — рок, судьба, да и боги, между прочим, знают, кого наделять богатством, а кого оставлять ни с чем. По этой логике, так или иначе, выходило, что богатые одновременно и самые достойные жители Мекки, которых нужно всячески уважать и которым нужно добровольно подчиняться.

Мухаммед (САС) относился с большим уважением к исканиям ханифов, в учениях которых древние арабские легенды и культы причудливо и произвольно переплетались с идеями единого Бога и личного бессмертия человека, близкими иудаизму и христианству. Рассудок подсказывал бесчисленное множество различных решений, всевозможные сочетания религиозных идей и понятий, которые казались равно справедливыми и одинаково вероятными.

Мухаммед (САС) в эти годы отличался деятельным характером, он не был мечтателем, настроение у него, как правило, было бодрое. Но иногда, правда очень редко, нападала на него вдруг, без всякого повода, глубокая тоска. Тогда, захватив с собой небольшой запас пищи и воды, уходил он в безлюдные окрестности Мекки и там проводил несколько дней в полном уединении — молился, размышлял, вслушивался в себя, часами бесцельно бродил по пустыне, выжженным солнцем холмам или неподвижно сидел, погруженный в свои думы. И в конце концов тоска проходила, и он возвращался в Мекку — жизнерадостный, приветливый, энергичный, спокойный — такой, каким привыкли его видеть всегда.